

Конечно.

Едва слова Цзянь Шанвэня прозвучали, как реакция зрителей в прямом эфире стала ещё бурнее. Когда-то, много лет назад, уже ходили слухи о его романе с Ло Чжие, и тогда вся сеть отнеслась к этому с откровенным презрением. Разумеется, никто не поверил и в признание на съёмочной площадке — все были уверены, что тот назойливый мелкий актёр, который приставал к Ло Чжие, вовсе не Цзянь Шанвэнь. Особенно сейчас, глядя на его поведение, в этом убеждались ещё сильнее.

Число зрителей на его стриме мгновенно перевалило за миллион.

Чат летел сплошной стеной:

«Мечтай дальше!»

«Даже если ты признаешься Ло-гэ, он всё равно не согласится!»

«Он же днём говорил, что ему нравится Сяо Фэй!»

«Готов поспорить, он и пальцем их не коснётся!»

Пока все переговаривались...

Со стороны лестницы вдруг спустился человек — это был Фэй Чэн, переодевшийся в комнате и теперь вышедший вниз. На нём была чёрная водолазка и свободные серые карго-штаны в стиле хип-хоп. Его ярко-красные волосы были зачёсаны назад и небрежно удерживались чёрным волнистым ободком, в ухе поблёскивала серебряная одиночная серьга. Модно, дерзко и притягательно.

Фэй Чэн был самым молодым среди всех приглашённых, но при этом в нём уже чувствовалась уверенность и раскованная сила человека, добившегося успеха. Его появление, конечно же, сразу привлекло всеобщее внимание.

Сюй Ян, как раз ломавший голову, чем бы сменить тему, тут же оживился:

— Сяо Фэй, ты уже спустился?

Фэй Чэн кивнул.

Он сразу уловил странную атмосферу в гостиной и, чуть прищурившись, спросил:

— О чём вы тут говорили?

Сюй Ян неловко усмехнулся:

— Да вот... Шанвэнь сказал, что собирается кое-кому признаться.

Он специально подал это так, надеясь, что Фэй Чэн спросит, кому именно. Всё-таки тот молод, прямолинеен — возможно, услышав ответ, он прямо выскажет, что Цзянь Шанвэнь всё ещё смеет мечтать о самом киноимператоре.

Не только Сюй Ян так подумал — остальные гости, да и зрители тоже были уверены в том же.

Кто бы мог подумать...

Стоило Фэй Чэну услышать эти слова, как он сразу посмотрел на Цзянь Шанвэня. Во взгляде мелькнуло явное удивление. Но, встретившись с его улыбкой, это удивление вдруг сменилось растерянностью, затем — неловкостью... а после и вовсе превратилось в какое-то странное, едва уловимое смущение. Уши у него заметно покраснели, и в итоге он поспешно отвёл взгляд.

Под пристальными взглядами всех присутствующих Фэй Чэн тихо фыркнул, глядя на Цзянь Шанвэня, и, слегка запинаясь, буркнул:

— Д-делай... что хочешь.

Все: «...»

Зрители: «...»

Нет, подождите — человек собирается признаться киноимператору, а ты-то чего краснеешь?!

Впрочем, все знали, что Фэй Чэн в любовных вопросах довольно наивен, так что решили, будто он просто смутился от самой темы, и никто не стал копать глубже. Только губы Цзянь Шанвэня тронула лёгкая улыбка.

Он стоял у барной стойки, словно совершенно не замечая презрительных взглядов других участников и будто не видя бесконечного потока комментариев на экране трансляции. Его глаза в форме цветков персика мягко изогнулись, а улыбка вышла сладкой, почти невинной:

— Спасибо всем за поддержку, я буду стараться.

Все: «...»

Да кто тебя поддерживал вообще?!

После этого заявления обсуждение шоу на всех платформах взлетело вверх. Благодаря экспериментальному формату с прямыми трансляциями и интерактиву, где зрители могли в реальном времени участвовать в «версии бывших» по мотивам «Мафии» — делать ставки и обсуждать происходящее — к вечеру аудитория программы официально перевалила за сто миллионов просмотров.

Режиссёр Шэнь вновь доказал миру свой поразительный талант: казалось, за что бы он ни взялся, результат неизменно достигал вершин. Даже в перенасыщенной индустрии развлекательных шоу он сумел одним ходом установить новый рекорд.

В топах Weibo уже через считанные минуты один за другим вспыхнули горячие хэштеги:

#ЛоЧжиеПоявилсяНаСъёмкахРомантическогоШоу#

#ЦзяньШанвэньОбъявилЧтоСноваПризнаетсяЛоЧжие#

#ЦзяньШанвэньОтрицаетВидеоСоСъёмочнойПлощадки#

Хотя популярность шоу стремительно росла, а у Цзянь Шанвэня было меньше всего голосов и фанатов среди участников, после запуска программы количество трендов с его участием перевалило за сотню — и почти все «взрывные» темы были связаны именно с ним.

После ужина...

После ужина участники разошлись по своим комнатам отдыхать — всё-таки это был первый день съёмок, и все порядком вымотались.

Цзянь Шанвэнь, вернувшись к себе, принял душ. Когда он вышел, в дверь постучали. Он подошёл и открыл — на пороге стоял сотрудник съёмочной группы:

— Вас к телефону. Звонит режиссёр.

— Спасибо.

Цзянь Шанвэнь мягко улыбнулся и взял аппарат.

Он только что вышел из душа, на плечи небрежно было накинуто одно лишь полотенце. Капли воды стекали с волос, скользя по коже. Его светлая кожа от горячей воды слегка порозовела, и весь он будто был окутан туманной, манящей аурой. Даже сотрудник, давно знавший о его внешности, на мгновение потерялся — а затем, смутившись, поспешно ретировался.

Боже... у него и правда врождённая, почти лисьья притягательность.

Если бы не такая дурная репутация, он, наверное, был бы невероятно популярен.

Жаль...

Закрыв дверь, Цзянь Шанвэнь остался один. В ту же секунду улыбка, к которой он привык как к маске, исчезла из его глаз. Подойдя к окну, он распахнул его — и в зеркале отразилось уже совсем иное лицо: холодное, отстранённое.

Он лениво протянул:

— Режиссёр Шэнь?

Из трубки донёсся неторопливый мужской голос:

— Ты снова полез провоцировать Лян Шэня?

Цзянь Шанвэнь вспомнил этого человека и уголки его губ невольно дрогнули в лёгкой улыбке. Однако голос остался по-прежнему невинным:

— Ну что вы, режиссёр... Вы же знаете, у меня на это просто нет возможностей.

Не то чтобы не хотелось — скорее, пока не было такой возможности.

Пожалуй, только перед режиссёром он позволял себе немного ослабить маску, обнажая кончик своей лисьей натуры.

Шэнь И усмехнулся, в голосе сквозила насмешка:

— Если ты осмелился тронуть единственного наследника семьи Фэй... Его ведь растили как драгоценность. За столько лет они его избаловали до невозможности — ты думаешь, они на

что-то не способны?

Цзянь Шанвэнь понимал: других участников он ещё мог обмануть, но Шэнь И — никогда.

Со стороны этот мужчина выглядел беззаботным хозяином, который может даже не появляться на площадке, но на деле он знал обо всём, что происходило в съёмочной группе. Его способности и глубина расчёта не поддавались недооценке.

Цзянь Шанвэнь честно ответил:

— Я просто хотел доказать вам свою ценность.

Лян Шэнь, Фу Цзиньчэн и даже Ци Янь — все они были против того, чтобы он оставался в шоу. А учитывая их статус инвесторов и звёзд первой величины, их мнение для проекта имело огромный вес.

Конечно, Шэнь И мог его защитить.

Пусть Цзянь Шанвэнь и не знал его настоящего происхождения, но человек, способный собрать в одном проекте столько громких имён, определённо обладал своими связями и влиянием.

Но Шэнь И ни за что не стал бы держать в своём проекте бесполезную «вазу».

И, как и ожидалось...

Он тихо усмехнулся. Тон его голоса почти не изменился, но давящая тяжесть, сквозившая в нём, заметно ослабла.

— Так вот какой сюрприз ты мне приготовил?

— Разумеется, нет, — Цзянь Шанвэнь тоже улыбнулся. Вечер разгарного лета отражался в стекле окна, и в глазах этого улыбающегося красавца таилась холодная, почти пугающая решимость. — Основное блюдо ещё впереди.

На том конце линии на мгновение воцарилась пауза.

А затем раздался ленивый смешок:

— Похоже, мне стоит пожелать тебе удачи?

Цзянь Шанвэнь рассеянно перебирал листья у окна. Перед ним раскинулся особняк режиссёра — редкий остров тишины в самом сердце города А, где каждый клочок земли стоил баснословных денег. Но это роскошное спокойствие не затуманило ему взгляд — он лишь лениво усмехнулся:

— Раз уж вы, режиссёр, снизошли до того, чтобы лично меня предупредить, мне остаётся только постараться не подвести ваши ожидания.

— О? — Шэнь И мягко рассмеялся. — С чего ты взял, что я велел сотрудникам позвать тебя, чтобы «предупредить»?

Цзянь Шанвэнь моргнул:

— Тогда какие у вас указания?

Стоя у окна в одиночестве, он держал в сердце холод и настороженность ко всем вокруг. Даже улыбаясь, он не позволял этой улыбке коснуться глаз. Кончики его бледных пальцев слегка скользнули по зелёным листьям — в голове уже роились мысли, готовые к любому возможному упрёку.

Однако...

Голос на том конце был спокоен и ровен:

— На столике у двери я велел оставить охлаждающую мазь.

Движение Цзянь Шанвэня замерло.

Впервые в его глазах — тех самых, что могли улыбаться перед любыми оскорблениями и ударами — мелькнула растерянность. Он обернулся и увидел на тумбочке аккуратно стоящую баночку. Всё это время его запястье было в синяках — за весь день, при таком количестве людей вокруг, никто этого не заметил... даже он сам не придал этому значения.

Он подошёл ближе. Холод гладкой керамики приятно лёг в ладонь.

Опустив взгляд, он рассматривал баночку. Под светом лампы на его тонком, светлом запястье отчётливо проступали синевато-фиолетовые следы — болезненно заметные. Он задержал на них взгляд и тихо произнёс:

— Спасибо, режиссёр. Заботитесь о сотрудниках... неудивительно, что столько людей в индустрии мечтают попасть в вашу команду.

— Ты размахиваешь перед камерой запястьем в синяках, — равнодушно заметил Шэнь И, — хочешь, чтобы зрители решили, будто я плохо обращаюсь с участниками?

Цзянь Шанвэнь тихо рассмеялся, ставя баночку обратно:

— К утру следы уже сойдут. Если не трогать — почти не болит. Да и со стороны ничего не заметно.

— Не боишься боли? — приподнял бровь Шэнь И.

Цзянь Шанвэнь понял, к чему тот клонит, и улыбнулся глубже:

— По сравнению с тем, что бывало раньше, это вообще не боль. Если бы я не выдерживал таких мелочей, то вряд ли дожил бы до сегодня. Скорее, я даже благодарен этим синякам... они напоминают, что нельзя забывать боль, едва рана затянется.

Летний ветер скользнул в комнату, шевеля занавески. Одинокая фигура у окна казалась одновременно хрупкой и непреклонной.

Голос в трубке, напротив, оставался спокойным, почти ленивым:

— Шанвэнь.

— Мм?

— Если тебя ранят — какой толк просто помнить боль? — усмехнулся Шэнь И, и в его тоне мелькнуло что-то холодное. — Найди момент и ударь в ответ. Зачем, по-твоему, я привёл тебя в это шоу? Если собираешься жалко продержаться до вылета и зря занять место, можешь не сомневаться — я позабочусь о том, чтобы ты и самих ран не смог забыть, а не только боль. Понял?

Цзянь Шанвэнь не успел ответить, как Шэнь И вдруг, словно что-то вспомнив, добавил:

— Кстати, стоимость той мази вычтут из твоего гонорара. Воспользуешься или нет — деньги всё равно спишут. Всё, отбой.

Цзянь Шанвэнь: «...»

Сидя на диване и втирая мазь, он не мог отделаться от мысли: с чего это он решил, что Лян Шэнь — ядовитая змея? Да по сравнению с режиссёром Шэнем тот просто безобиден — вот уж кто в десять тысяч раз опаснее!

Ночь.

Съёмочная группа в коридоре почти полностью разошлась.

Особняк снова погрузился в тишину. Пока участники по своим комнатам либо отдыхали, либо разбирались с делами, в самую дальнюю дверь на втором этаже постучали. Лишь спустя некоторое время она наконец открылась.

На пороге появился высокий мужчина.

Ло Чжие, судя по всему, только что вышел из душа. На нём была свободная чёрная пижама, застёгнутая до самого ворота — строго и безупречно. Он опустил взгляд на стоящего перед ним, и его внушительная фигура буквально давила своим присутствием. Даже в приглушённом свете коридора его зрелая, мужественная красота выглядела безупречно — лицо человека, много лет правившего киноиндустрией, действительно не знало поражений.

Взгляд Ло Чжие был спокойным и отстранённым:

— Что-то нужно?

Цзянь Шанвэнь стоял у двери, улыбаясь мягко и покорно:

— Да.

— Что?

Он не стал ходить вокруг да около:

— Я хотел спросить... сможете ли вы завтра отдать свой голос симпатии мне?

Ло Чжие слегка нахмурился. За долгие годы в индустрии он повидал немало подобных ситуаций. Но в его глазах не было ни презрения, ни раздражения — лишь спокойствие:

— Нет.

Цзянь Шанвэнь моргнул:

— Можно узнать причину?

Обычно в таких случаях говорят что-то уклончивое — мол, уже есть кандидат или что-то в этом духе.

Но Ло Чжие ответил прямо:

— У меня пока нет к тебе симпатии.

Любой на месте Цзянь Шанвэня, услышав такое, растерялся бы. Но он лишь улыбнулся. В полутёмном коридоре его изогнутые в улыбке глаза казались яркими, словно цветок, распустившийся в летнюю ночь.

Он мягко спросил:

— Ло-лаоши... вы не голодны?

Ло Чжие едва заметно замер.

Когда он приехал, он сказал, что уже поел — хотя это было ложью. Просто у него были проблемы с желудком, и он не мог есть недоваренную пищу, потому и придумал отговорку.

Он опустил взгляд.

Перед ним стоял человек с мягкой, тёплой улыбкой. Тот чуть прищурился — в его взгляде мелькнули и ум, и хитрость, и тонкая, почти невесомая приманка:

— Я приготовлю вам ужин... а вы подумаете над своим решением. Идёт?

<http://bllate.org/book/17232/1617301>